

Джалал ад-дин Руми

(1207-1273)

Притчи

ПОСЕЛЯНИН И ЛЕВ

Однажды, к пахарю забравшись в хлев,
В ночи задрал и съел корову лев.

И сам в хлеву улегся отдыхать.
Покинул пахарь тот свою кровать;

Не вздув огня, он поспешил на двор -
Цела ль корова, не залез ли вор?

И льва нащупала его рука,
Погладил льву он спину и бока.

Льву думалось: "Двуногий сей осел,
Видать, меня своей коровой счел!

Да разве б он посмел при свете дня
Рукой касаться дерзкою меня?

Пузырь бы желчный лопнул у него
От одного лишь вида моего!"

Ты, мудрый, суть вещей сперва познай,
Обманной внешности не доверяй.

РАССКАЗ О БЕДУИНЕ, У КОТОРОГО СОБАКА ПОДОХЛА ОТ ГОЛОДА

У бедуина пес околевал,
Над ним хозяин слезы проливал.

Спросил его прохожий: «Ты о чем,
О муж могучий, слезы льешь ключом?»

Ответил: «При смерти мой верный пес.
Так жаль его... Не удержат мне слез.

Он на охоте дичь мне выгонял,
Не спал ночами, стадо охранял».

Спросил прохожий: «Что у пса болит?
Не ранен он? Хребет не перебит?»

А тот: «О нет! Он только изнурен.
От голода околевает он!»

«Будь терпелив, - сказал прохожий тот, -
Бог за терпенье благом воздаст».

Потом спросил: «А что в большом мешке,
Который крепко держишь ты в руке?»

«В мешке? Хлеб, мясо... много там всего
Для пропитанья тела моего».

«О человек, - спросил прохожий, - что ж
Собаке ты ни корки не даешь?»

Ответил: «Не могу ни крошки дать, -
В пути без денег хлеба не достать;

Хоть не могу над псом я слез не лить...
А слезы – что ж... за слезы не платить...»

И тут прохожий в гневе закричал:
«Да будь ты проклят, чтобы ты пропал!

Набитый ветром ты пустой бурдюк!
Ведь этот пес тебе был верный друг!

А ты в сто раз презреннее, чем пес.
Тебе кусок еды дороже слез!

Но слезы – кровь, пролитая бедой,
Кровь, от страданья ставшая водой.

Пыль под ногой – цена твоим слезам,
И не дороже стоишь весь ты сам!»

РАССКАЗ ОБ УКРАДЕННОМ БАРАНЕ

Барана горожанин за собой
Тащил с базара, - видно, на убой.

И вдруг в толпе остался налегке
С веревкой перерезанной в руке.

Барана нет. Добычею воров
Овчина стала, и курдюк, и плов.

Тот человек, в пропаже убедясь,
Забегал, бестолково суетясь.

А вор возле колодца, в стороне,
Вопил и причитал: "Ой, горе мне!"

"О чем ты?" - обворованный спросил.
"Я кошелек в колодец уронил.

Все, что имел я, - сто динаров там!
Достанешь - я в награду двадцать дам".

А тот: "Да это целая казна!
Ведь десяти баранов в ней цена.

Я одного барана потерял,
Но Бог взамен верблюда мне послал!"

В колодец он с молитвою полез,
А вор с его одеждою исчез.

О друг, по неизвестному пути
Ты должен осмотрительно идти.

Но жадность заведет в колодец бед
Того, в ком осмотрительности нет.

О ТОМ, КАК ШАХ ТЕРМЕЗА ПОЛУЧИЛ "МАТ" ОТ ШУТА

Шах в шахматы с шутком своим играл,
"Мат" получил и гневом запылал.

Взяв горсть фигур, шута он по лбу хватя.
"Вот "шах" тебе! Вот - "мат"! Учись играть!"

Ферзем куда не надо - не ходи".
А шут: "Сдаюсь, владыка, пощади!"

Шах молвил: "Снова партию начнем".
А шут дрожал, как голый под дождем.

Сыграли быстро. Шаху снова "мат".
Шут подхватил заплатанный халат;

Под шесть тяжелых, толстых одеял
Забился, притаился и молчал.

"Эй, где ты там?"- шах закричал в сердцах.
А шут ему: "О справедливый шах,

Чтоб перед шахом правду говорить,
Надежно надо голову прикрыть.

"Мат" получил ты от меня опять.
Теперь твой ход - и мне несдобровать".

О ТОМ, КАК СТАРИК ЖАЛОВАЛСЯ ВРАЧУ НА СВОИ БОЛЕЗНИ

Старик сказал врачу: "Я заболел!
Слезотечение... Насморк одолел".

"От старости твой насморк", - врач сказал.
Старик ему: "Я плохо видеть стал".

"От старости, почтенный человек,
И слабость глаз, и покраснение век".

Старик: "Болят и ноет вся спина!"
А врач: "И в этом старости вина".

Старик: "Мне в пользу не идет еда".
А врач: "От старости твоя беда".

Старик: "Я кашляю, дышу с трудом".
А врач: "Повинна старость в том и в том.

Ведь если старость в гости к нам придет,
В подарок сто болезней принесет".

"Ах ты, дурак! - сказал старик врачу.-
Я у тебя лечиться не хочу!

Чему тебя учили, о глупец?
Лекарствами сумел бы врач-мудрец

Помочь в недомогании любом,
А ты -осел, оставшийся ослом!.."

А врач: "И раздражительность твоя -
От старости, тебе речуюсь я!"

РАССКАЗ О ВОРЕ-БАРАБАНЩИКЕ

Однажды темной ночью некий вор
Подкапывался под чужой забор.

Старик, что на соседней кровле спал,
Услышав стук лопатки, с ложа встал.

Окликнул вора: "Бог на помощь, брат!
Ты что там делаешь, когда все спят?"

Скажи на милость мне - ты кто такой?"
А вор: "Я барабанщик городской".

"Я чем сейчас ты занят - знать хочу!"
"Сам видишь - в барабан я колочу!"

"Что ж грома барабана твоего
Не слышно, плут?" - старик спросил его.

А вор: "Настанет утро - и тогда
Услышишь гром и вопли: "Ай, беда!"

СПОР ВЕРБЛЮДА, БЫКА И БАРАНА

Верблюд, Баран и Бык дорогой шли
И связку сена свежего нашли.

"Как разделить? - Баран им говорит.-
Ведь ни один из нас не будет сыт!

Не лучше ли судить по старшинству?
Кто старше всех - пусть эту съест траву.

Пророк, принесший миру благодать,
Нам завещал старейших почитать".

Бык промычал: "Ну что ж, друзья, ну что? ж...
Совет Барана мудрого хорош.

Расскажем о себе с начала дней.
Кто старше всех - тот и травой владей".

Сказал Баран: "Я пасся в тех стадах,
Что разводил пророк Халил-Уллах.

Дружил я с тем барашком молодым,
Которого зарезал Ибрагим".

А Бык: "Куда со мной тягаться вам!
Я-старше всех! На мне пахал Адам!"

Хоть изумлен Верблюды их ложью был,
Нагнул он шею, сено ухватил,

Высоко поднял связку и сказал:
"Пусть Бык не лгал, и пусть Баран не лгал,

Не буду спорить, кто из нас древней,
Поскольку шея у меня длинней.

И всем, конечно, ведомо, что я
Вас не моложе, добрые друзья".

РАССКАЗ О САДОВНИКЕ

Садовник увидал, войдя в свой сад,
Что трое незнакомцев в нем сидят.

"Похожи,- он подумал,- на воров!"
Суфий, сейид и третий - богослов.

А был у них троих один порок:
Душа как незавязанный мешок.

Сказал садовник: "Сада властелин
Я иль они? Их трое, я один!

Хитро на этот раз я поступлю,
Сперва их друг от друга отделию.

Как в сторону отправлю одного-
Всю бороду я вырву у него.

Ух, как поодиночке проучу,
Как только их друг с другом разлучу!"

И вот злоумный этот человек
К такой коварной выдумке прибег.

Сказал суфию: "Друг! Возьми скорей
В сторожке коврик для своих друзей!"

Ушел суфий. Садовник говорит:
"Вот ты - законовед, а ты - сейид,

Старинный род твой царственно высок,
Ведь предок твой был сам святой пророк!

А ты - ученый муж, ведь по твоим
Установленьям мы и хлеб едим!

Но тот суфий - обжора и свинья,
Да разве он годится вам в друзья?

Гоните прочь его - и у меня
Вы погостите здесь хоть два-три дня.

Мой дом, мой сад всегда для вас открыт.
Что - сад! Вам жизнь моя принадлежит!"

Поверили они словам его
И спутника прогнали своего.

Настиг суфия беспощадный враг-
Садовник с толстой палкою в руках,

Сказал: "Эй ты, суфий-собака, стой!
Как ты проворно в сад залез чужой!

Или тебя забыть последний стыд
Наставили Джанейд и Баязид?"

До полусмерти палкою он избил
Суфия. Голову раскровенил.

Сказал суфий: "Сполна мне этот зверь
Отсыпал. Ваша очередь теперь!

Того ж отведавать, что отведал я,
Придется вам, неверные друзья! .

Вы - обольщенные своим врагом -
Подобным же подавитесь куском!

Всегда в долине злачной бытия
К тебе вернется эхом речь твоя!"

* * *

Избив суфия, добрый садовод
Такой с гостями разговор ведет:

"О дорогой сейид, сходи ко мне
В сторожку и скажи моей жене,

Чтобы лепешек белых испекла
И жареного гуся принесла!"

Внук божьего избранника ушел.
Хозяин же такую речь завел:

"Вот ты - законовед и веры друг,
Твердыня правды, мудрый муж наук!

Бесспорно это. Но обманщик тот -
Себя он за сейида выдает!

А что его почтеннейшая мать
Прodelывала - нам откуда знать?

Любой ублюдок в наши дни свой род
От корня Мухаммедова ведет"

Все, что ни лгал он злобным языком,
То было правдою о нем самом.

Но так садовник льстиво говорил,
Что вовсе гостя он обворожил.

И многомудрый муж, законовед,
"Ты прав!" - сказал хозяину в ответ.

Тогда к сейиду садовод пошел
С дубиною, промолвив: "Эй, осел!

Вот! Иль оставил сам святой пророк
Тебе в наследство гнусный твой порок?

На льва детеныш львиный всем похож!
А ты-то на пророка чем похож?"

И тут дубиною отделал он
Сейида бедного со всех сторон.

Казнил его, как лютый хариджит,
Сразил его, как Шимр и как Езид.

Весь обливаясь кровью, тот лежал
И так в слезах законнику сказал:

"Вот ты один остался, предал нас,
Сам барабаном станешь ты сейчас?"

Я в мире не из лучших был людей,
Но лучше все ж, чем этот лиходея!

Себя ты погубил, меня губя,
Плохая вышла мена у тебя!"

Тогда, к последнему из трех пришед,
Сказал садовник: "Эй, законовед!

Так ты законовед? Да нет, ты вор!
Ты - поношенье мира и позор.

Или разрешено твоей фатвой
Влезать без позволенья в сад чужой?

Где, у каких пророков, негодяй,
Нашел ты это право? Отвечай!

В "Посреднике" иль в книге "Океан"
Ты это вычитал? Скажи, болван!"

И, давши волю гневу своему,
Садовник обломал бока ему.

Мучителю сказал несчастный: "Бей!
Ты прав в законной ярости твоей:

Я кару горше заслужил в сто раз,
Как всякий, кто друзей своих предаст!

Да поразит возмездие бедой
Тех, кто за дружбу заплатил враждой".

РАССКАЗ О ВИНОГРАДЕ

Вот как непонимание порой
Способно дружбу подменить враждой,

Как может злобу породить в сердцах
Одно и то ж на разных языках.

Шли вместе тюрк, перс, араб и грек.
И вот какой-то добрый человек

Приятелям монету подарил
И тем раздор меж ними заварил.

Вот перс тогда другим сказал: "Пойдем
На рынок и ангур приобретем!"

"Врешь, плут,- в сердцах прервал его араб,-
Я не хочу ангур!Хочу эйнаб!"

А тюрк перебил их: "Что за шум,
Друзья мои? Не лучше ли узум?"

"Что вы за люди! -грек воскликнул им.-
Стафилъ давайте купим и съедим!"

И так они в решении сошлись,
Но, не поняв друг друга, подрались.

Не знали, называя виноград,
Что об одном и том же говорят.

Невежество в них злобу разожгло,
Ущерб зубам и ребрам нанесло.

О, если б стоязычный с ними был,
Он их одним бы словом помирил.

"На ваши деньги,-он сказал бы им,-
Куплю, что нужно всем вам четверым,

Монету вашу я учетверю
И снова мир меж вами водворю!

Учетверю, хоть и не разделю,
Желаемое полностью куплю!

Слова несведущих несут войну,
Мои ж - единство, мир и тишину".

НАСТАВЛЕНИЕ ПОЙМАННОЙ ПТИЦЫ

Какой-то человек дрозда поймал.
"О муж почтенный, – дрозд ему сказал,-

Владелец ты отар и косяков.
Ты много съел баранов и быков,

Но пищей столь обильною мясной
Не пресыщен – насытишься ли мной?

Ты отпусти меня летать, а там
Тебе я три совета мудрых дам.

Один в твоей руке прощечечу,
Другой, когда на крышу я взлечу;

А третий – с ветки дерева того,
Что служит сенью крова твоего.

Моим советам вняв, – пока ты жив, –
Во всем удачлив будешь и счастлив.

Вот первый мой совет в твоих руках:
Бессмыслице не верь ни в чьих устах”.

Свободу птице человек вернул,
И дрозд на кровлю весело вспорхнул.

Пропел: “О невозвратном не жалеи!
Когда пора прошла – не плачь о ней

И за потери не кляни судьбу!
Бесценный, редкий перл в моем зубу.

Дирхемов верных десять весит он...
Им был навеки б ты обогащен!

Такого перла больше не сыскать,
Да не тебе богатством обладать!”

Как женщина в мучениях родов,
Стонал, кричал несчастный птицелов.

А дрозд: “Ведь я давал тебе совет –
Не плачь о том, чему возврата нет!

Глухой ты, что ли, раз не внял тому
Разумному совету моему?

Совет мой первый вспомни ты теперь:
Ни в чьих устах бессмыслице не верь.

Как десять я дирхемов мог бы несть,
Когда дирхема три я вешу весь”.

А человек, с трудом в себя пришел,
Просил: “Ну, дай мне третий твой совет”.

А дрозд: “Ты следовал советам двум,
Пусть третий озарит теперь твой ум:

Когда болвана учат мудрецы,
Они посев бросают в солонцы,

И как ни штопай – шире, чем вчера,
Назавтра будет глупости дыра!”

ДЖУХА И МАЛЬЧИК

Отца какой-то мальчик провожал
На кладбище и горько причитал:

”Куда тебя несут, о мой родной,
Ты скроешься навеки под землей!

Там никогда не светит белый свет,
Там нет ковра да и подстилки нет!

Там не кипит похлебка над огнем,
Ни лампы ночью там, ни хлеба днем!

Там ни двора, ни кровли, ни дверей,
Там ни соседей добрых, ни друзей!

О как же ты несчастен будешь в том
Жилье угрюмом, мрачном и слепом!

Родной! От тесноты и темноты
Там побледнеешь и увянешь ты!”

Так в новое жилье он провожал
Отца и кровь - не слезы - проливал.

”О батюшка! - Джуха промолвил тут.-
Покойника, ей-богу, к нам несут!”

”Дурак!” - сказал отец. Джуха в ответ:
”Приметы наши все, сомненья нет,

Все как у нас: ни кровли, ни двора,
ни, хлеба, ни подстилки, ни ковра!”.

СПОР МУСУЛЬМАНИНА С ОГНЕПОКЛОННИКОМ

Огнепоклоннику сказал имам:
”Почтенный, вам пора принять ислам!”

А тот: ”Приму, когда захочет бог,
Чтоб истину уразуметь я мог”.

”Святой аллах,- имам прервал его,-
Желает избавленья твоего;

Но завладел твоей душой шайтан:
Ты духом тьмы и злобы обуян”.

А тот ему: ”По слабости моей,
Я следую за теми, кто сильней.

С сильнейшим я сражаться не берусь,
Без спора победителю сдаюсь.

Когда б аллах спасти меня хотел,
Что ж он душой моей не завладел?”

ПОСЕЩЕНИЕ ГЛУХИМ БОЛЬНОГО СОСЕДА

”Зазнался ты!-глухому говорят.-
Сосед твой болен много дней подряд!”

Глухой подумал: ”Глух я! Как пойму
Болящего? Что я скажу ему?

Нет выхода... Не знаю, как и быть,
Но я его обязан навестить.

Пусть я глухой, но сведущ и неглуп;
Его пойму я по движенью губ.

"Как здоровье?" - спрошу его сперва.
"Мне лучше!"-воспоследуют слова.

"И слава богу!-я скажу в ответ.-
Что ел ты?" Молвит: "Кашу иль шербет".

Скажу: "Ешь пищу эту! Польза в ней!
А кто к тебе приходит из врачей?"

Тут он врача мне имя назовет.
Скажу: "Благословляй его приход!

Как за тебя я радуюсь, мой друг!
Сей лекарь уврачует твой недуг".

Так подготовив дома разговор,
Глухой пришел к болящему во двор.

С улыбкой он шагнул к нему в жилье,
Спросил: "Ну, друг, как здоровье твое?"

"Я умираю..."-простонал больной.
"И слава богу!" - отвечал глухой.

Похолодел больной от этих слов,
Сказал: "Он - худший из моих врагов!"

Глухой движенье губ его следил,
По-своему все понял и спросил:

"Что кушал ты?" Больной ответил: "Яд!"
"Полезно это! Ешь побольше, брат!

Ну, расскажи мне о твоих врачах".
"Уйди, мучитель,- Азраил в дверях!"

Глухой воскликнул: "Радуйся, мой друг!
Сей лекарь уврачует твой недуг!"

Ушел глухой и весело сказал:
"Его я добрым словом поддержал.

От умиленья плакал человек:
Он будет благодарен мне весь век".

Больной сказал: "Он мой смертельный враг,
В его душе бездонный адский мрак!"

Вот как обрел душевный мир глухой,
Уверенный, что долг исполнил свой.

СПОР О СЛОНЕ

Из Индии недавно приведен,
В сарае темном был поставлен слон,

Но тот, кто деньги сторожу платил,
В загон к слону в потемках заходил.

А в темноте, не видя ничего,
Руками люди шарили его.

Слонов здесь не бывало до сих пор.
И вот пошел средь любопытных спор.

Один, коснувшись хобота рукой:
"Слон сходен с водосточною трубой!"

Другой, пощупав ухо, молвил: "Врешь,
На опахало этот зверь похож!"

Потрогал третий ногу у слона,
Сказал: "Он вроде толстого бревна".

Четвертый, спину глядя: "Спор пустой –
Бревно, труба... он просто схож с тахтой".

Все представляли это существо
По-разному, не видевши его.

Их мненья – несуразны, неверны –
Неведением были рождены.

А были б с ними свечи – при свечах
И разногласья не было б в речах.

РАССКАЗ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОМ ДОЛЖНИКЕ

Все потеряв - имущество и дом,
Муж некий деньги задолжал кругом.

И, в неоплатных обвинен долгах,
Он брошен был в темницу в кандалах.

Прожорлив, дюж - в тюрьме он голодал
И пищу заключенных поедал.

Не то что хлеба черствого кусок,
Корову он украл бы, если б мог.

Изнемогли от хищности его
Колодники узилица того

И наконец начальнику тюрьмы
Пожаловались: "Гибнем все мы!"

Безропотно мы жребий наш несли,
Пока злодея к нам не привели.

Он, осужденный просидеть весь век,
Всех нас погубит, подлый человек.

Едва нам пищу утром принесут,
Он у котла, как муха,- тут как тут.

На шестьдесят колодников еда
Его не насыщает никогда.

"Довольно! - мы кричим.- Оставь другим!"
А он прикидывается глухим.

Потом вечернюю несут еду
Ему - на радость, прочим - на беду.

А доводы его одни и те ж:
"Аллах велел - дозволенное ешь".

Так он бесчинства каждый день творит
И нас три года голодом морит.

Пусть от казны паек дадут ему
Или очистят от него тюрьму!

Мы умоляем главного судью -
Пусть явит справедливость нам свою".

Смотритель тут же пред судьей предстал
И жалобу ему пересказал:

Все расспросил судья и разузнал
И привести обжору приказал.

Сказал ему: "Весь долг прощай твой.
Свободен ты! Иди к себе домой!"

"Твоя тюрьма - мой рай,- ответил тот,-
Мой дом и пища - от твоих щедрот.

Коль из тюрьмы меня прогонишь ты,
Умру от голода и нищеты".

"Когда несостоятельность твоя
Впрямь безнадежна,- говорит судья,-

То где твои свидетели?"-"Их тьма!
Свидетелей моих полна тюрьма".

Судья: "Несчастные, что там сидят,
Лишь от тебя избавиться хотят;

Они и клятву ложную дадут!"
Но тут весь при суде служащий люд

Сказал: "Хоть жди до Страшного суда,
Долгов он не заплатит никогда!

Его на волю лучше отпустить,
Чем целый век за счет казны кормить".

Судья помощнику: "Ну, если он
Действительно до нитки разорен,

Его ты на верблюда посади;
А сам - с глашатаями впереди -

Весь день его по улицам вози,
Всем о его позоре возгласи.

Что нищий он, чтоб ни одна душа
Ему не доверяла ни гроша,

Чтобы никто с ним ни торговых дел,
Ни откупных водить не захотел.

Всем возглашай, что суд ни от кого
Не примет больше жалоб на него,

Что ничего нельзя с него взыскать
И незачем в тюрьму его таскать!

О стонущий в оковах бытия!
Несостоятельность - вина твоя!

Нам от пророка заповедь дана.
"Неплатежеспособен сатана,

Но ловок он вводит людей в обман,-
Так не имей с ним дел!"-гласит Коран

В делах твоих участвуя, банкрот
Тебя до разоренья доведет".

Был на базаре курд с верблюдом взят,
Поставивший дрова в горшечный ряд.

Бедняга курд о милости взывал,
Монету в руку стражнику совал,

Но все напрасно - так решил, мол, суд,
На целый день был взят его верблюд.

Обжора на верблюда сел. Пошли,
По городу верблюда повели,

Не умолкая, барабан гремел,
Народ кругом толпился и глазел.

И люди знатные, и голь, и рвань
Возле базаров, у открытых бань

Указывали пальцем. "Это он.
Он самый",- слышалось со всех сторон.

Глашатаи с трещотками в, руках
На четырех кричали языках:

"Вот лжец! Мошенник! Низкая душа!
Он не имеет денег ни гроша!

Всем задолжать вам ухитрился он!
Да будет он доверия лишен!

Остерегайтесь дело с ним водить!
Он в долг возьмет-откажется платить!

Вы на него не подавайте в суд!
Его в темницу даже не возьмут!

Хоть он в речах приятен и хорош,
Но знайте, что ни скажет он,- все ложь

И пусть он к вам придет в парчу одет -
Исподнего белья под нею нет.

Чужое платье поносить на час
Он выпросит и вновь обманет вас.

Он приведет корову продавать -
Не вздумайте корову покупать.

И помните, корову он украл
Иль простаку барыш пообещал.

И кто одежду купит у него,
Сам будет отвечать за воровство.

Когда невежды мудрое гласят,
Ты знай, что эта мудрость - напрокат!"

Так ездили, пока не пала тень.
Курд за верблюдом бегал целый день.

Обжора наконец с верблюда слез.
А курд: "Весь мой барыш дневной исчез.

Ты ездил целый день, и у меня
Соломы нет, не то что ячменя.

Плати!" А тот в ответ: "Соломы нет?
Как вижу я, рассудка дома нет,

Несчастный, в голове твоей пустой!
Ты сам ведь бегал целый день за мной.

Глашатаев громкоголосых крик,
Седьмого неба, кажется, достиг!

Что разорен, что все я потерял,
Все слышали - ты только не слышал.

Я от долгов судом освобожден.
"Да будет он доверия лишен!

Обманщик, надуватель он и лжец! " -
Кричали обо мне. А ты, глупец,

На что надеясь, бегал ты за мной,
Весь день терпя и духоту и зной?"

СПОР ГРАММАТИКА С КОРМЧИМ

Однажды на корабль грамматик сел ученый,
И кормчего спросил сей муж самовлюбленный:

"Читал ты синтаксис?"-
"Нет",- кормчий отвечал.
"Полжизни жил ты зря!"- ученый муж сказал.

Обижен тяжело был кормчий тот достойный,
Но только промолчал и вид хранил спокойный.

Тут ветер налетел, как горы, волны взрыл,
И кормчий бледного грамматика спросил:

"Учился плавать ты?"
Тот в трепете великом
Сказал: "Нет, о мудрец совета, добрый ликом!".

"Увы, ученый муж!- промолвил мореход.-
Ты зря потратил жизнь: корабль ко дну идет!".

НАПУГАННЫЙ ГОРОЖАНИН

Однажды некто в дом чужой вбежал,
От перепугу бледный, он дрожал.

Спросил хозяин: "Кто ты? Что с тобой?
Ты отчего трясешься, как больной?"

А тот хозяину: "Наш грозный шах
Испытывает надобность в ослах.

Сейчас, во исполнение шахских слов,
На улицах хватают всех ослов".

"Хватают ведь ослов, а не людей!
Что за печаль тебе от их затей?"

Ты не осел благодаря судьбе;
Так успокойся и ступай себе".

А тот: "Так горячо пошли хватать!
Что и меня, пожалуй, могут взять.

А как возьмут, не разберут спроста -
С хвостом ты ходишь или без хвоста.

Готов тиран безумный, полный зла,
И человека взять взамен осла".

О ТОМ, КАК ХАЛИФ УВИДЕЛ ЛЕЙЛИ

"Ужель из-за тебя,- халиф сказал,-
Меджнун-бедняга разум потерял?"

Чем лучше ты других? Смугла, черна...
Таких, как ты, страна у нас полна".

Лейли в ответ: "Ты не Меджнун! Молчи!"
Познанья свет не всем блеснет в ночи.

Не каждый бодрствующий сознает,
Что беспробудный сон его гнетет.

Лишь тот, как цепи, сбросит этот сон,
Кто к истине душою устремлен.

Но если смерти страх тебя томит,
А в сердце жажда прибыли горит,

То нет в душе твоей ни чистоты,
Ни пониманья вечной красоты!

Спит мертвым сном плененный суетой
И видимостью ложной и пустой.

О ТОМ, КАК ВОР УКРАЛ ЗМЕЮ У ЗАКЛИНАТЕЛЯ

У заклинателя индийских змей
Базарный вор, по глупости своей,

Однажды кобру сонную стащил -
И сам убит своей добычей был.

Беднягу заклинатель распознал,
Вздыхнул: "Он сам не знал, что воровал!"

С молитвой к небу обратился я,
чтобы нашлась пропавшая змея.

А ей от яда было тяжело;
Ей, видно, жалить время подошло...

Отвергнута была моя мольба,
От гибели спасла меня судьба".

Так неразумный молится порой
О пользе, что грозит ему бедой.

И сколько в мире гонится людей
За прибылью, что всех потерь лютей!

О БАКАЛЕЙЩИКЕ И ПОПУГАЕ, ПРОЛИВШЕМ В ЛАВКЕ МАСЛО

Жил бакалейщик; в лавке у него
Был попугай, любимый друг его.

Как сторож, днем у входа он сидел,
За каждым покупателем глядел.

И не был он бессмысленно болтлив,-
Он, как оратор, был красноречив.

Неловко раз на полку он порхнул
И склянку с маслом розовым столкнул.

На шум хозяин в лавку прибежал,
Потерю и убыток увидал,-

Вся лавка в масле, залит маслом пол.
И вырвал попугая он хохол.

Тот, облысев, дар слова потерял.
Хозяин же в раскаянье вздыхал

И бороду, стаяя, рвал свою:
"Увы! Я сам затмил судьбу мою!

Да лучше руку мне б свою сломать,
Чем на сладкоречивого поднять!"

Всем дервишам подарки он дарил,
Молясь, чтоб попугай заговорил.

Наохлившись, три дня молчал певец;
Хоть ласку всевозможную купец

Оказывал любимцу своему,
Надеясь, что вернется речь к нему.

Шел мимо некий странник в этот час,
Без колпака, плешивый, словно таз.

Внезапно попугай обрел язык.
Он крикнул дервишу: "Эй ты, старик!

Эй, лысый! Кто тебя волос лишил?
Ты разве масло где-нибудь разлил?"

Смеялись все стоявшие кругом,
Когда себя сравнил он с мудрецом.

Хоть в начертанье "лев" и "молоко"
Похожи, нам до мудрых далеко.

Мы судим по себе о их делах,
И оттого блуждает мир впотьмах.

Повадно нам - порочным, жадным, злым,
Равнять себя пророкам и святым.

Мол, в них и в нас найдешь ты суть одну,
И всяк подвержен голоду и сну!

Ты пропасти, что разделяют вас,
Не видишь в слепоте духовных глаз.

Два вида пчел в густых ветвях снуют.
Те - только жалят, эти - мед несут.

Вот две породы серн. Одна дает
Чистейший муск, другая - лишь помет.

Два рода тростника встают стеной,
Но пуст один, и сахарный другой.

А что таким сравненьям счета нет,
Поймешь в пути семидесяти лет.

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ШУТ ЖЕНИЛСЯ НА РАСПУТНИЦЕ

Сказал сейид шуту: "Ну что ж ты, брат!
Зачем ты на распутнице женат?"

Да я тебя - когда б ты не спешил -
На деве б целомудренной женил!"

Ответил шут: "Я на глазах у вас
На девушках женился девять раз-

Все стали потаскухами они,
Как почернел я с горя-сам взгляни!

Я шлюху ввел женой в свое жилье-
Не выйдет ли жены хоть из нее...

Путь разума увлек меня в беду,
Теперь путем безумия пойду!"

РАССКАЗ О НАПАДЕНИИ ОГУЗОВ

Разбой в степях привольных полюбя,
Огузы налетели, пыль клубя.

В селении добычи не нашли,
И старцев двух, схватив, приволокли.

Скрутив арканом руки одному, -
Кричали: "Выкуп - или смерть ему!"

А старец им: "О сыновья князей,
Что вам за прибыль в гибели моей?"

Я беден, гол, убог. Какая статья
Вам старика бесцельно убивать?";

В ответ огузы: "Мы тебя казним,
Чтобы пример твой страшен был другим,

Чтоб сверстник твой, лишась душевных сил
Открыл нам, где он золото зарыл".

Старик им: "Верьте седине моей,
Как я ни беден - он меня бедней".

А тот, несвязанный, вопил: "Он лжет!
Он в тайнике богатства бережет!"

А связанный сказал: "Ну, если так,
Я думал: я бедняк и он бедняк.

Но если будете предполагать,
Что мы условились пред вами лгать,

Его сперва убейте, чтобы я
Открыл от страха, где казна моя!"

КРИКИ СТОРОЖА

При караване караульщик был,
Товар людей торговых сторожил.

Вот он уснул. Разбойники пришли,
Все вняли и верблюдов увели.

Проснулись люди: смотрят - где добро:
Верблюды, лошади и серебро?

И прибежали к сторожу, крича,
И бить взялись беднягу сгоряча.

И молвили потом: "Ответ нам дай:
Где наше достоянье, негодяй?"

Сказал: "Явилось множество воров.
Забрали сразу все, не трата слов..."

"А ты где был, никчемный человек?
Ты почему злодейство не пресек?"

Сказал: "Их было много, я один...
Любой из них был грозный исполин!"

а те ему: "Так что ты не кричал:
"Вставайте! Грабят!" Почему молчал?"

"Хотел кричать, а воры мне: молчи!
Ножи мне показали и мечи.

Я смолк от страха. Но сейчас опять
Способен я стонать, вопить, кричать.

Я онемел в ту пору, а сейчас
Я целый день могу кричать для вас".

РАССКАЗ О ДВУХ МЕШКАХ

В пыли верблюд араба-степняка
Нес на себе огромных два мешка.

Хозяин дюжий сам поверх всего
Уселся на верблюда своего.

Спросил араба некий пешеход,
Откуда он, куда и что везет.

Ответил: "У меня в мешке одном -
Пшеница и степной песок - в другом".

"Спаси аллах, зачем тебе песок?"
"Для равновесия", - сказал ездок.

А пешеход: "Избавься от песка
Рассыпь свою пшеницу в два мешка.

Тогда верблюду ношу облегчишь -
Ты и дорогу вдвое сократишь".

Араб сказал: "Ты-истинный мудрец!
А я-то - недогадливый глупец..."

Что ж ты - умом великим одарен -
Плетешься гол, и пеш, и изнурен?

Но мой верблюд еще не стар и дюж.
Я подвезу тебя, достойный муж!

Беседой сократим мы дальний путь.
Поведай о себе мне что-нибудь.

По твоему великому уму -
Ты царь иль друг халифу самому?"

А тот: "Не ходят в рубищах цари,
Ты на мои лохмотья посмотри".

Араб: "А сколько у тебя голов
Копей, овец, верблюдов и коров?"

"Нет ничего". - "Меня не проведешь.
Ты, вижу я, заморский торг ведешь.

О друг, скажи мне, истину любя,
Где на базаре лавка у тебя?"

"Нет лавки у меня", - ответил тот.
"Ну, значит, из богатых ты господ.

Ты даром сеешь мудрости зерно.
Тебе величье знания дано.

Я слышал: в золото превращает медь
Сумевший эликсиром овладеть".

Ответил тот: "Клянусь аллахом - нет!
Я - странник, изнуренный в бездне бед.

Подобные мне странники бредут
Туда, где корку хлеба им дадут.

А мудрость награждается моя
Лишь горечью и мукой бытия".

Араб ответил: "Прочь уйди скорей,
Прочь со злосчастной мудростью своей,

Чтоб тень тебя постигнувшего зла
Проказой на меня не перешла!

Ты на восход пойдешь, я - на закат,
Вперед пойдешь - я поверну назад.

Пшеница пусть лежит в мешке одном,
Песок останется в мешке другом.

Твои никчемны знания, лжемудрец.
Пусть буду я, по-твоему, глупец,-

Благословенна глупость, коль она
На благо от аллаха мне дана!"

Как от песка, от мудрости пустой
Избавься, чтоб разделаться с бедой.

ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР И ЕГО ВЕСЫ

Раз, к золотому мастеру пришед,
Сказал старик: "Весы мне дай, сосед".

Ответил мастер: "Сита нет у нас".
А тот: "Не сито! Дай весы на час".

А мастер: "Нет метелки, дорогой".
Старик: "Ты что? Смеешься надо мной?"

Прошу я: "Дай весы!"-а ты в ответ-
То сита нет, а то метелки нет".

А мастер: "Я не глух. Оставь свой крик!
Я слышал все, но дряхлый ты старик.

И знаю я, трясущейся рукой
Рассыплешь ты песок свой золотой,

И за метелкою ко мне придешь,
И золото с землею подметешь,

Придешь опять и скажешь: "Удружи
И ситечко на час мне одолжи".

Начало зная, вижу я конец.
Иди к соседям с просьбою, отец!

Богатые соседи ссудят вам
Весы, метелку, сито... Вассалам!"

РАССКАЗ О ФАКИХЕ В БОЛЬШОЙ ЧАЛМЕ И О ВОРЕ

Факих какой-то (бог судья ему)
Лохмотьями набил свою чалму,

Дабы в большой чалме, во всей красе,
Явиться на собрание в медресе.

С полпуда рвани он в чалму набил,
Куском красивой ткани обкрутил.

Чалма снаружи - всем чалмам пример.
Внутри она - как лживый лицемер.

Клочки халатов, рваных одеял
Красивый внешний вид ее скрывал.

Вот вышел из дому факих святой,
Украшенный огромною чалмой.

Несчастье ждет, когда его не ждем,-
Базарный вор таился за углом.

Сорвав чалму с факиха, наутек
Грабитель тот со всех пустился ног.

Факих ему кричит: "Эй, ты! Сперва
Встряхни чалму, пустая голова!"

Уж если ты как птица полетел,
Взгляни сначала, чем ты завладел.

А на потерю я не посмотрю,
Я, так и быть, чалму тебе дарю!"

Встряхнул чалму грабитель. И тряпье
И рвань взлетели тучей из нее.

Сто тысяч ключев из чалмищи той
Рассыпалось по улице пустой.

В руке у вора лишь кусок один
Остался, не длиннее, чем в аршин.

И бросил тряпку, и заплакал вор:
"Обманщик ты! Обманщику позор!"

На хлеб я нынче заработать мог,
Когда б меня обман твой не увлек!"

РАССКАЗ О КАЗВИНЦЕ И ЦИРЮЛЬНИКЕ

Среди казвинцев жив и посеючас
Обычай - удивительный для нас -

Накалывать, с вредом для естества,
На теле образ тигра или льва.

Работают же краской и иглой,
Клиента подвергая боли злой.

Но боль ему приходится терпеть,
Чтоб это украшение иметь.

И вот один казвинский человек
С нуждою той к цирюльнику прибег.

Сказал: "На мне искусство обнаружь!
Приятность мне доставь, почтенный муж!"

"О богатырь! - цирюльник спросил.-
Что хочешь ты, чтоб я изобразил?"

"Льва разъяренного! - ответил тот.-
Такого льва, чтоб ахнул весь народ.

В созвездье Льва - звезда судьбы моей!
А краску ставь погуще, потемней".

"А на какое место, ваша честь,
Фигуру льва прикажете навесть?"

"Ставь на плечо,- казвинец отвечал
Чтоб храбрым и решительным я стал,

Чтоб под защитой льва моя спина
В бою и на пиру была сильна!"

Когда ж иглу в плечо ему вонзил
Цирюльник, "богатырь" от боли взвыл:

"О дорогой! Меня терзаешь ты!
Скажи, что там изображаешь ты?"

"Как что?-ему цирюльник отвечал.-
Льва! Ты ведь сам же льва мне заказал

"С какого ж места ты решил начать
Столь яростного льва изображать?"

"С хвоста". - "Брось хвост! Не надобно хвоста!
Что хвост? Тщеславие и суета!

Проклятый хвост затмил мне солнце дня,
Закупорил дыханье у меня!

О чародей искусства, светоч глаз,
Льва без хвоста рисуй на этот раз".

И вновь цирюльник немощную плоть
Взялся без милосердия колоть.

Без жалости, без передышки он
Колол, усердьем к делу вдохновлен.

"Что делаешь ты?"-мученик вскричал.
"Главу и гриву",- мастер отвечал.

"Не надо гривы мне, повремени!
С другого места рисовать начни!"

Колоть пошел цирюльник. Снова тот
Кричит: "Ай, что ты делаешь?" - "Живот".

Взмолился вновь несчастный простота:
"О дорогой, не надо живота!

Столь яростному льву зачем живот?
Без живота он лучше проживет!"

И долго, долго, мрачен, молчалив,
Стоял цирюльник, палец прикусив.

И, на землю швырнув иглу, сказал;
"Такого льва господь не создавал!

Где, ваша милость, льва видали вы
Без живота, хвоста и головы?

Коль ты не терпишь боли, прочь ступай,
Иди домой,на льва не притязай!"

О друг, умей страдания сносить,
Чтоб сердце светом жизни просветить.

Тем, чья душа от плотских уз вольна,
Покорны звезды, солнце и луна.

Тому, кто похоть в сердце победил,
Покорны тучи и круги светил.

И зноем дня не будет опален
Тот, кто в терпенье гордом закален.

РАССКАЗ ОБ УКРАДЕННОМ ОСЛЕ

Внемлите наставлениям моим
И предостережениям моим!

Дабы стыда и скорби избежать,
Не надо неразумно подражать.

В суфийскую обитель на ночлег
Заехал некий божий человек.

В хлеву осла поставил своего,
И сена дал, и напоил его.

Но прахом станет плод любых забот,
Когда неотвратимое грядет.

Суфии нищие сидели в том
Прибежище, томимые постом,

Не от усердия к Богу - от нужды,
Не ведая, как выйти из беды.

Поймешь ли ты, который сыт всегда,
Что иногда с людьми творит нужда?

Орава тех голодных в хлев пошла,
Решив немедленно продать осла.

"Ведь сам пророк - посланник вечных сил -
В беде вкушать и падаль разрешил!"

И продали осла, и принесли
Еды, вина, светильники зажгли.

"Сегодня добрый ужин будет нам!" -
Кричали, подымая шум и гам.

"До коих пор терпеть нам,- говорят,-
Поститься по четыре дня подряд?"

Доколе подвиг наш? До коих пор
Корзинки этой нищенской позор?

Что мы, не люди, что ли? Пусть у нас
Веселье погостит на этот раз!"

Позвали - надо к чести их сказать -
И обворованного пировать.

Явили гостю множество забот,
Спросили, как зовут и где живет.

Старик, что до смерти в пути устал,
От них любовь и ласку увидал.

Один бедняге ноги растирал,
А этот пыль из платья выбивал.

А третий даже руки целовал.
И гость, обвороченный, им сказал:

"Коль я сегодня не повеселюсь,
Когда ж еще, друзья? Сегодня пусть!"

Поужинали. После же вина
Сердцам потребны пляска и струна.

Обнявшись, все они пустились в пляс.
Густая пыль в трапезной поднялась.

То в лад они, притопывая, шли,
То бородами пыль со стен мели.

Так вот они, суфии! Вот они,
Святые. Ты на их позор взгляни!

Средь тысяч их найдешь ли одного,
В чьем сердце обитает божество?

* * *

Придется ль мне до той поры дожить,
Когда без притч смогу я говорить?

Сорву ль непонимания печать,
Чтоб истину открыто возглашать?

Волною моря пена рождена,
И пеной прикрывается волна.

Так истина, как моря глубина,
Под пеной притч порою не видна.

Вот вижу я, что занимает вас
Теперь одно - чем кончится рассказ,

Что вас он привлекает, как детей
Торгаш с лотком орехов и сластей.

Итак, мой друг, продолжим-и добро,
Коль отличишь от скорлупы ядро!

* * *

Один из них, на возвышенье сев,
Завел печальный, сладостный напев.

Как будто кровью сердца истекал,
Он пел: "Осел пропал! Осел пропал!"

И круг суфиев в лад рукоплескал,
И хором пели все: "Осел пропал!"

И их восторг приезжим овладел.
"Осел пропал!"-всех громче он запел.

Так веселились люди до утра,
А утром разошлись, сказав: "Пора!"

Приезжий задержался, ибо он
С дороги был всех больше утомлен.

Потом собрался в путь, во двор сошел,
Но ослика в конюшне не нашел

Раскинув мыслями, решил: "Ага!
Его на водопой увел слуга".

Слуга пришел, скотину не привел.
Старик его спросил: "А где осел?"

"Как где? - слуга в ответ. - Сам знаешь где!
Не у тебя ль, почтенный, в бороде?!"

А гость ему: "Ты толком отвечай,
К пустым уверткам, друг, не прибегай!"

Осла тебе я поручил? Тебе!
Верни мне то, что я вручил тебе!

Да и слова Писания гласят:
"Врученное тебе отдай назад!"

А если ты упорствуешь, так вот -
Неподалеку и судья живет!"

Слуга ему в ответ: "При чем судья?
Осла твои же продали друзья!"

Что с их оравой мог поделаться я?
В опасности была и жизнь моя!

Когда оставишь кошкам потроха
На сохраненье, долго ль-до греха!

Ведь ослик ваш для них, скажу я вам,
Был что котенок ста голодным псам!"

Суфий слуге: "Допустим, что осла
Насильно эта шайка увела.

Так почему же ты не прибежал
И мне о том злодействе не сказал?

Сто средств тогда бы я сумел найти,
Чтоб ослика от гибели спасти!"

Слуга ему: "Три раза прибежал,
А ты всех громче пел: "Осел пропал!"

И уходил я прочь, и думал: "Он
Об этом деле сам осведомлен

И радуется участи такой.
Ну что ж, на то ведь он аскет, святой!"

Суфий вздохнул: "Я сам себя сгубил,
Себя я подражанием убил

Тем, кто в душе убили стыд и честь,
увы, за то, чтоб выпить и поесть!"

СПАСШИЙСЯ ВОР

Какой-то человек, войдя в свой дом,
Увидел вора, шарящего в нем.

Погнался он за воров, в пот вогнался.
И уж совсем он вора настигал,

Но закричал в ту пору вор другой:
"Эй, не беги, почтеннейший! Постой!"

Поди сюда, взгляни-ка - вот следы
К твоим дверям крадущейся беды!

Иди по ним, о добрый человек,
Чтоб не утратить все добро навек".

Подумал тот: "А вдруг ко мне опять
Другой злодей забрался воровать?"

Бегущего ловить какой мне прок?
Вернись-ка я скорей на свой порог.

А вдруг забравшийся ко мне злодей
Жену мою зарежет и детей!

Тот муж,- видать, доброжелатель мой,-
Не зря советует спешить домой".

"О друг! - второго вора он спросил.-
Какие ты следы еще открыл?"

А вор ответил: "Видишь - три следа?
Вор этот подлый убежал туда!

За ним скорей, почтенный, поспедай,
Чтобы не скрылся этот негодяй".

"Ах ты осел! - несчастный завопил.-
Ведь этот вор в моем жилище был,

Ведь я его почти уже догнал!
Ты задержал меня - и он удрал.

Ты мелешь о следах какой-то вздор!..
Что мне в следах, когда вот сам он - вор?"

А вор ему: "Увидя вора след,
Полезным счел я дать тебе совет".

Тот вору: "Или ты совсем дурак,
Иль сам ты вор. Всего вернее - так.

Я догонял, почти схватил его,
Ты закричал - я упустил его!"

О ТОМ, КАК СТРАЖНИК ТАЩИЛ В ТЮРЬМУ ПЬЯНОГО

Однажды в полночь страж дозором шел
И под забором пьяного нашел.

Сказал: "Вставай, ты пьян". А тот ему:
"Я сплю и не мешаю никому".

"Что пил ты?"-стражник пьяного спросил.
"Я? Что в кувшине было, то и пил".

"А что там было? Отвечай, свинья".
"Что было? Было то, что выпил я!"

"Так что ты выпил? Толком говори".
"Я? То, что было налито внутри".

Так стражник с пьяным спорил битый час
И в споре, как осел в грязи, увяз.

Велел он пьяному: "Скажи-ка: ох".
А пьяный отвечал ему: "Хо! Хох!"

От горя люди охают, кряхтят,
Хо! Хох! - за чашей праздничной кричат".

Страж рассердился: "Спору нет конца.
Вставай, пойдём. Не корчи мудреца".

"Прочь убирайся!"-пьяница ему.
А страж: "Ты-пьян, и сядешь ты в тюрьму!"

А пьяный: "Ну когда же ты уйдешь?
И что с меня ты, с голого, сдерешь?"

Когда б не ослабел и не упал -
Давно б я в эту пору дома спал.

Как шейх, в своей бы лавке я сидел,
Когда б своею лавкою владел!".

РАССКАЗ О ВСАДНИКЕ И СПЯЩЕМ

Однажды всадник по степи скакал
И спящего в пустыне увидал,

К которому ползла змея, - и вот
Ползла спящему в открытый рот.

Тот всадник отогнать змею хотел,
Хоть торопился он, но не успел.

А так как был он турок с головой,
Он спящего ударил булавой,

Взялся его нещадно избивать.
Тот завопил, проснулся-и бежать,

Пока, битьем безжалостным гоним,
Он не упал под деревом одним.

Там были груды яблоков гнилых.
И всадник крикнул: "Ешь, проклятый, их,

Ешь до сыта". При этом сильно бил,
И тот червивой гнили проглотил

Такое множество, что скоро вспять
Проглоченное начал извергать.

"О повелитель! В чем вина моя? -
Кричал несчастный, плача и блюя, -

Что причинил я милости твоей?
О, пощади меня или убей!

Любой разбойник лютый никого
Не станет мучить без вины его!

Да лучше бы мне прежде умереть.
Чем страшное лицо твое узреть!

Да разрази тебя небесный гром!
Воздай злодею, Боже, поделом!"

А всадник загремел ему: "Вставай!
Беги по этой степи, негодяй!"

Страдалец под ударами бежал,
Пока лицом на камни не упал.

И пищу из себя изверг свою
И вместе с пищей - черную змею.

И ужаснулся - так была она
Толста и безобразна и гнусна.

И ниц пред избавителем упал
И со слезами так ему сказал:

"Ты вестник милосердья, Гавриил!
Ты сам Аллах, сошедший с трона сил!

Был мертв ты, но меня ты увидал
И новую мне душу даровал!

Как мать ребенка, ты меня искал!
А я, как мул, от палки убегал.

Блажен идущий бедственной тропой,
Коль по дороге встретится с тобой!"

О НАБОЖНОМ ВОРЕ И САДОВНИКЕ

Бродяга некий, забредя в сады,
На дерево залез и рвал плоды.

Тут садовод с дубинкой прибежал,
Крича: "Слезай! Ты как сюда попал?"

Ты кто?" А вор: "Я-раб творца миров-
Пришел вкусить плоды его даров.

Ты не меня, ты Бога своего
Бранишь за щедрой скатертью его".

Садовник, живо кликнув батраков,
Сказал: "Видали Божьих мы рабов!"

Веревкой вора он велел скрутить
Да как взялся его дубинкой бить,

А вор: "Побойся Бога, наконец!
Ведь ты убьешь невинного, подлец!"

А садовод несчастного лупил
И так при этом вору говорил:

"Дубинкой божьей божьего раба
Бьет божий раб? Такая нам судьба.

Ты-Божий, Божья у тебя спина,
Дубинка тоже Божья мне дана!"

РАССКАЗ ОБ УЧИТЕЛЕ

Один учитель был не в меру строг.
Был детям ад любой его урок.

И, становясь день ото дня лютей,
Он до отчаянья довел детей.

Однажды перед школою, в тиши,
Советоваться стали малыши:

"Придет он скоро; как ему не лень
Томиться здесь, томить нас целый день?"

Хоть заболел бы он - спаслись бы мы
От злой зубрежки, словно от тюрьмы.

Да крепок он, как каменный сидит,
Кому бы дать затрещину - глядит".

Сказал один малыш, смысленей всех:
"И обмануть мучителя не грех.

Условимся: один из нас войдет -
Посмотрит и ладонями всплеснет:

"Салам! Храни Вас благодать Творца!
Что с Вами стало? Нет на Вас лица!"

Другой войдет: "Учитель дорогой,
Какой Вы бледный, Вы совсем больной!"

И третий и четвертый... Так подряд
Все тридцать это слово повторяют:

"Что с Вами? Дай Вам боже добрый час,-
Да уж не лихорадка ли у Вас?"

Ему покажется от наших слов,
Что он и в самом деле нездоров.

Как он больным себя вообразит -
Воображение его сразит.

И умный человек с ума сойдет,
Коль верх воображение возьмет".

"Ай, молодец! У нас ты всех умней",-
Обрадовались тридцать малышей

И клятву дали заодно стоять
И тайну никому не выдавать.

Вот мальчик тот, что всех смелее был,
Дверь в помещенье школьное открыл:

"Салам учитель! Сохрани Вас Бог!

Как здоровье Ваше? Вид Ваш очень плох".

Учитель буркнул: "Я вполне здоров.
Садись и не болтай-ка пустяков".

Но все ж от замечанья малыша
Тревоге поддалась его душа.

Второй малыш сказал: "Как Вы бледны!
Учитель дорогой, Вы не больны?"

И третий мальчик то же повторил.
Четвертый, пятый то же говорил...

И так все тридцать школьников подряд -
Тревогою учитель был объят,

От страха он невольно ослабел:
"Да я и впрямь, как видно, заболел!"

Вскочил, свернул поспешно коврик свой
И через дворик побежал домой,

Ужасно на свою жену сердит:
"Я страшно болен, а она молчит.

Я при смерти, а ей и дела нет!"
Бежит домой, бегут ребята вслед.

Жена спросила, увидав его:
"Что с Вами? Не случилось ли чего?"

Ведь Вы не возвращались никогда
Так рано! Да минует нас беда!"

"Ты что, ослепла, что ли? – муж в ответ.-
Ты моего лица не видишь цвет?"

Все люди мне сочувствуют, одна
Не видит мук моих моя жена!"

"Да ты вполне здоров,- жена ему,-
С чего ты вдруг взбесился, не пойму".

"Негодная! - учитель возопил.-
Я бледен, я дрожу, валюсь без сил.

Взгляни, как изменился я с лица -
Да я на грани смертного конца!"

Жена: "Я дам Вам зеркало сейчас,
Не изменился цвет лица у Вас".

"Да провались ты с зеркалом своим! -
Вскричал учитель, яростью палим.-

Постель мне постели, чтоб я прилег.
Живей! Я от болезни изнемог".

Постель ему устроила жена.
"Бесцельно спорить,- думала она.-

Он не послушает разумных слов,
Хоть вижу я, что он вполне здоров.

Ведь от дурной приметы человек
Порой больным становится навек",

Под несколько тяжелых одеял
Учитель лег, и охал, и стонал.

Ученики, забившись в уголок,
Бубнили хором заданный урок.

Малыш, что всю затею изобрел
И на учителя болезнь навел,

Сказал: "Вот мы бормочем и кричим -
И нашему учителю вредим.

От шума головная боль сильней,
А стоит ли болеть из-за грошей?"

"Он прав,- сказал учитель.- Полно Вам
Ступайте-ка сегодня по домам".

И малыши, прервавши свой урок,
Порхнули птичьей стайкой за порог,

А матери, их крики услышав,
Не в школе - за игрой их увидав,

Спросили с гневом: "Кто Вас отпустил?
Сегодня разве праздник наступил?"

А дети отвечали матерям:
"Нас отпустил домой учитель сам.

Он вышел утром к нам, на коврик сел
И вдруг внезапно чем-то заболел".

А матери в ответ: "Обман и ложь!
Да нас ведь сказками не проведешь.

Учителя мы завтра навестим,
Мы Ваш обман, лгуны, разоблачим".

Пришли они к учителю домой,
Глядят: лежит он тяжело больной.

Вспотев от жарких, толстых одеял,
Он, с головой укутанный, стонал.

Сказали женщины: "Помилуй Бог!
Учитель наш и впрямь уж очень плох.

Ведь если он умрет, то как нам быть?
Кто будет наших сорванцов учить?

Не знали мы, что впрямь недуг напал
На Вас, учитель!" - "Я и сам не знал,

Да за уроком ваши сыновья
Увидели, что очень болен я.

Кто весь в трудах - почувствует не вдруг,
Что силы подточил ему недуг.

Кто очень занят, некогда тому
Прислушаться к здоровью своему".

ИЗ "ДИВАНА ШАМСА ТЕБРИЗСКОГО"

ГАЗЕЛИ

Без границы пустыня песчаная,
Без конца - сердца новость избранная.
Ищет образов мир, чтобы форму принять,-
Как узнаю в них свой без обмана я?
Если срубленной встретишься ты голове,
Что катится в полях, неустанная,
Ты спроси, ты спроси тайны сердца у ней -
Так откроется тайна желанная.
Что бы было, когда уху стал бы сродни
Говор птицы - их песня слиянная?
Что бы было, когда бы от птицы узнал
Драгоценности тайн Сулеймана я?
Что сказать мне? Что мыслить? В плену бытия
Весть понятна ли, свыше нам данная?
Как молчать, когда с каждым мгновеньем растет
В нас тревога неслыханно странная?
Куропатка и сокол летят в ту же высь,
Где гнездо их - вершина туманная,
В эту высь, где Сатурна на сфере седьмой
Звезда миру сияет багряная.
Но не выше ль семи тех небес - Эмпирей?
И над ним знаю вышние страны я!
Но зачем эмпирей нам? Цель наша - Земля
Единения благоуханная.
Эту сказку оставь. И не спрашивай нас:
Наша сказка лежит бездыханная.
Пусть лишь Салах-эд-Дином воспета краса
Царя всех Царей первозданная.

* * *

Любовь - это к небу стремящийся ток,
Что сотни покровов прорвал и совлек.
В начале дороги - от жизни уход,
В конце - шаг, не знавший, где след его лег.
Не видя, приемлет любовь этот мир,
И взор ее - самому тленью далек.
"О сердце,- вскричал я,- блаженно пребудь,
Что в любящих ты проникаешь чертог,
Что смотришь сверх грани, доступной для глаз,
В извилинах скрытый находишь поток.
Душа, кто вдохнул в тебя этот порыв?
Кто в сердце родил трепетанье тревог?
О, птица! Своим языком говори -
Понятен мне тайн сокровенный намек".
Душа отвечала: "Я в горне была,
Чтоб дом мой из глины Создатель испек;
Летала вдали от строенья работ -
Чтоб так построенья исполнился срок;
Когда же противиться не было сил -
В ту круглую форму вместил меня рок".

* * *

Когда бы дан деревьям был шаг или полет -
Не знать ни топора им, ни злой пилы невзгод.
А солнце если б ночью не шло и не летело -
Не знал бы мир рассвета и дней не знал бы счет.
Когда бы влага моря не поднялась до неба -
Ручья бы сад не видел, росы не знал бы плод,
Уйдя и вновь вернувшись, меж створок
перламутра-
как станет капля перлом в родимом лоне вод.
Не плакал ли Иосиф, из дома похищаем,
И не достиг ли царства и счастья он высот?
И Мухаммад, из Мекки уехавший в Медину,-
Не основал ли в славе великой власти род?
Когда путей нет внешних - в себе самом ты
странствуй.
Как лалу - блеск пусть дарит тебе лучистый свод
Ты в существе, о мастер, своем открой дорогу-
Так к россыпям бесценным в земле открылся
ход.
Из горечи суровой ты к сладости проникни-
Как на соленой почве плодов душистый мед.
Чудес таких от Шамса - Тебриза славы - ждите,
Как дерево - от солнца дары своих красот.

* * *

Когда мой труп перед тобой, что в гробе тленом
станет,-
Не думай, что моя душа жить в мире бренном
станет,
Не плачь над мертвым надо мной и не кричи
"увы".
Увы - когда кто жертвой тьмы во сне забвением
станет.

Когда увидишь ты мой гроб, не восклицай
"ушел!".
Ведь в единении душа жить несравненным
станет.
Меня в могилу проводив, ты не напутствуй
вдаль:
Могилы - скиния, где рай в дне неизменном
станет.
Кончину видел ты, теперь ты воскресенье зри;
Закат ли Солнцу и Луне позорным пленом
станет?
В чем нисхождение видишь ты, в том истинный
восход:
Могилы плен - исход души в краю блаженном
станет.
Зерно, зарытое в земле, дает живой росток;
Верь, вечно жить и человек в зерне нетленном
станет.
Ведро, что в воду погрузишь,- не полно ль до
краев?
В колодце ль слезы Иосиф-дух лить,
сокровенном, станет?
Ты здесь замкни уста, чтоб там открыть - на
высоте,
И вопль твой - гимном торжества в
непротяженном станет.

* * *

Паломник трудный путь вершит, к Каабе
устремлен,
Идет без усталы, придет - и что же видит он?

Тут камениста и суха бесплодная земля,
И дом высокий из камней на ней сооружен.

Паломник шел в далекий путь, чтоб Господа
узреть,
Он ищет Бога, но пред ним стоит как бы заслон.

Идет кругом, обходит дом - все попусту; но вдруг
Он слышит голос изнутри, звучащий, словно
звон:

"Зачем не ищешь Бога там, где он живет всегда?
Зачем каменья свято чтить, им отдаешь поклон?"

Обитель сердца - вот где цель, вот Истины
дворец,
Хвала вошедшему, где Бог один запечатлен".

Хвала не спящим, словно Шамс, в обители своей
И отвергающим, как он, паломничества сон.

* * *

Вы, взыскующие Бога среди небесной синевы,
Поиски оставьте эти, вы - есть Он, а Он - есть вы.

Вы - посланники Господни, вы Пророка вознесли,
Вы - закона дух и буква, веры твердь, Ислама
львы,

Знаки Бога, по которым вышивает вкривь и вкось
Богослов, не понимая суть Божественной канвы.

Вы в Источнике Бессмертья, тленье не коснется
вас
Вы - цинковка Всеблагого, трон Аллаха среди
травы.

Для чего искать вам то, что не терялось никогда?
На себя взгляните - вот вы, от подошв до головы.

Если вы хотите Бога увидеть глаза в глаза -
С зеркала души смахните мусть смиренья, пыль
молвы.

И тогда, Руми подобно, истиною озарясь,
В зеркале себя узрите, ведь Всевышний - это вы.

* * *

То любят безмерно, а то ненавидят меня,
То сердце дарят, то мое сокрушают, казня;

То властвую я, как хозяин, над мыслью своей,
То мысль моя держит в тисках меня, как западня;

То, словно Иосиф, чарую своей красотой,
То, словно Иакова, скорби одела броня;

То, словно Иов, терпелив я, покорен и тих,
То полог терпенья сжигает страстей головня;

То полон до края, то пуст я, как полный тростник,
То чувств не сдержать, то живу, безучастность
храня;

То жадно за золотом брошусь я в самый огонь,
То золото щедро бросаю в объятья огня;

То страшен лицом я, уродлив, как ада гонец,
То лик мой сияет, красою прекрасных дразня;

То вера благая внушает смирение мне,
То мною владеет безверья и блуда возня;

То лев я свирепый, волк алчущий, злая змея,
То общий любимец, подобье прохладного дня;

То мерзок и дерзок, несносен и тягостен я,
То голос мой нежен и радует сердце, звеня;

Вот облик познавших: они то чисты и светлы,
То грязью позора клеймит их порока ступня.

* * *

Бываю правдивым, бываю лжецом - все равны,
То светлый араб я, то черен лицом - все равны.

Я солнцем бываю, крылатым Симургом души,
Царя Сулеймана волшебным кольцом - все
равны.

Я - буря и прах, я - вода и огонь, я слышу
Порой благородным, порой подлецом - все
равны.

Таджиком ли, тюрком ли - быть я умею любим,
Порой прозорливым, порою слепцом - все равны.

Я - день, я - неделя, я - год, Рамазан и Байрам,
Светильник, зажженный Всевышним Отцом,- все
равны.

Я цвет изменяю, я сменой желаний пленен,
Лишь миг и за новым иду бубенцом - все равны.

Мой месяц - над небом, при мне барабаны и стяг,
Шатер мой сравнятся с небесным дворцом - все
равны.

Я - выше людей. Див и Ангел - родня мне. Они
Одним осиянны нездешним венцом - все равны.

У ног моих - пери, и знатные родом - в пыли,
Они предо мною, певцом и жрецом, все равны.

Я Бога взыскую; мне ведома сущность вещей:
Все ночи и дни, что даны нам творцом,- все
равны.

Так сказано мною. Таков и сияющий Шамс:
То тучами скрыт, то горит багрецом - все равны.

* * *

Всему, что зрим, прообраз есть, основа есть вне
нас,
Она бессмертна - а умрет лишь то, что видит
глаз.

Не жалуйся, что свет погас, не плачь, что звук
затих:
Исчезли вовсе не они, а отраженье их.

А как же мы и наша суть? Едва лишь в мир
придем,
По лестнице метаморфоз свершаем наш подъем.

Ты из эфира камнем стал, ты стал травой потом,
Потом животным - тайна тайн в чередованье том!

И вот теперь ты человек, ты знаньем наделен,
Твой облик глина приняла,- о, как непрочен он!

Ты станешь ангелом, пройдя недолгий путь
земной,
И ты сроднишься не с землей, а с горней
вышиной.

О Шамс, в пучину погрузись, от высей откажись -
И в малой капле повтори морей бескрайних
жизнь.

* * *

Что Кааба для мусульман, то для тебя душа.
Свершай вокруг этой Каабы обход свой не спеша.

Паломничество совершать нам заповедал Бог,
Чтоб душу правде обрекли, чтоб жили не греша.

Так откажись от серебра - лишь сердцем
обладай:
Душа святая и в гробу пребудет хороша.

Сто раз ты можешь обойти вокруг черной Каабы,
Но что же в этом, если ты бесстрастней палаша?

Превыше неба самого я сердце возношу,
Которое считаешь ты тростинкой камыша.

Оно велико, ибо сам Великий в нем живет _
И оттого-то стук его ты слушай не дыша.

Прислушайся же к тем стихам, что вписаны в
Коран
"Небес бы я не сотворил, когда б не ты, душа!"

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Азраил - ангел смерти.

Байрам - мусульманский праздник.

Баязид Бистами - один из наиболее чтимых мистиков-суфиев IX в. признанный мусульманами святым, убит в 874 г.

Вассалам - "вот и все".

Деррвиш (дарвеш) -последователь суфийского ордена; мусульманский странствующий монах-аскет, нищий.

Джанейд - глава суфийского ордена, создатель мистической концепции умер в начале X в.

Джуха - проstack, не лишенный наблюдательности и остроумия, персонаж многих восточных сказок.

Див (дев, дэв) - бес, демон.

Диван - "собрание".

Езид - халиф из династии Омейядов (680-683), во время правления которого был убит Хусейн, сын халифа Али.

Ибрагим - библейский Авраам.

Кааба (ка'ба) - храм в Мекке, в стену которого вделан "черный камень", - крупнейшая мусульманская святыня.

Лал - рубин.

Лейли (Лайли) - героиня известной легенды о любящей паре - Лейлн и Менджнуне.

Мекка- город в Аравии, родина Мухаммада , священный город мусульман.

Огузы - кочевые племена, нападавшие на поселения оседлых иранских народностей.

"Океан" ("Мохит") - книга, представляющая собою свод религиозных установлений.

Посредник" ("Васит") - богословская книга, свод религиозных установлений.

Рамазан (Рамадан) - девятый месяц мусульманского лунного календаря, месяц поста, так называемого "уразы".

Салах эд-Дин (XIII в.) - султан, царствовавший в Египте и части Сирии, известен удачными войнами с крестоносцами.

Сеид - потомок пророка Мухаммада.

Сулейман - библейский Соломон.

Суфий - приверженец одного из мусульманских философско-мистических, пантеистических учений - суфизма; благочестивый аскет; странствующий монах.

Факих - богослов.

Фатва (фетва) - решение по конкретному юридическому вопросу, выносимое высшим духовным лицом - муфтием.

Халил-уллах - мусульманское именование библейского патриарха Авраама.

Халиф - преемник пророка Мухаммада, руководитель мусульманской общины. Первые четыре халифа - Абубакр, Умар, Усман и Али именуются "четыре друга" или "халифы правого пути". Из двух основных толков в Исламе только сунниты признают всех четырех халифов, а шииты только последнего - Али.

Шамс - безвестный дервиш, которого Джалалиддин Руми избрал своим наставником. Его именем Руми "подписывал" газели. 1

Шимр - синоним палача. По преданию, Шимр в 681 г. при Кербеле (в нынешнем Ираке) убил Хусейна, сына халифа Али.